

чешского князя.⁵ Более ста лет изучаются и публикуются преимущественно по русским спискам Паннонские легенды о Кирилле и Мефодии.⁶ Изучаются, наконец, и следы влияния древнейшей чешской литературы на старейшие памятники литературы Киевской Руси, на Житие Бориса и Глеба — в частности,⁷ которые свидетельствуют не только о знакомстве русского читателя XI в. с биографией чешского князя, но и о значительном ее распространении. Сам Борис, быть может, не знал истории Вацлава, но его биограф несомненно не только знал, но и был уверен в знакомстве с ней своих читателей: иначе он не включил бы в свой рассказ упоминание о трагической судьбе чешского князя.

Некоторые споры вызвал вопрос о пути проникновения на Русь древнечешских литературных памятников — был ли он прямым или окольным. Отдельные ученые — приверженцы традиционной точки зрения о монополии византийско-южнославянских влияний на древнерусскую литературу — считали, что и чешские памятники пришли на Русь через посредство южнославянской письменности (Н. Серебрянский и др.). Позднейшие исследования, в том числе современных чешских славистов, показывают, что путь памятников древнечешской литературы в нашу страну далеко не всегда был окольным. В таком, например, духе высказывается И. Вашица в своем «Ответе» на «Вопрос» Советского комитета славистов.⁸

В названном, а также и в двух других ответах современных чехословацких ученых на вопрос «Каковы были связи древней русской литературы с литературами западных славян?» высоко оцениваются работы русских ученых. Так, например, И. Вашица считает, что «создающие целую эпоху» исследования А. И. Соболевского произвели «решительный поворот» в пользу признания существования в Чехии X в. традиции «церковнославянской» письменности, противостоявшей некоторое время интенсивному насаждению западной, католической традиции и перешедшей в некоторых своих памятниках на Русь. «Вслед за Соболевским, — пишет дальше И. Вашица, — решению этой проблемы чешско-русских связей выдающимся образом способствовал Н. К. Никольский», исследование которого «Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры» признается чешским ученым «блестящим».

Однако это и два других исследования Н. К. Никольского, посвященные связям древнейшей русской письменности с западнославянскими литературами,⁹ вызвали к себе довольно распространенное скептическое отношение советских ученых, в том числе Н. К. Гудзия, посвятившего концепции Н. К. Никольского часть своего доклада на IV Международ-

⁵ См.: Н. К. Никольский. Легенда мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском в славяно-русском переложении. СПб., 1909 (ПДП ОЛДП, № 174)

⁶ Их последнее издание осуществлено П. А. Лавровым: Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. — Труды Славянской комиссии АН СССР, т. I. Л., 1930.

⁷ Из последних советских работ можно назвать книгу Н. Н. Ильина, в которой дан краткий обзор литературы и характеризуется современное состояние вопроса о влиянии Жития Вацлава на Сказание о Борисе и Глебе. (Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957, стр. 45—65).

⁸ Сборник ответов на вопросы по литературоведению (АН СССР, Советский комитет славистов. IV Международный съезд славистов), М., 1958, стр. 7—10.

⁹ Н. К. Никольский. 1) К вопросу о западном влиянии на древнерусское церковное право. — Библиографическая летопись, 3, 1917; 2) К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи. — Вестник АН СССР, 1933, № 8—9.